

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами.
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

(1825)

BURA*

Je l' vidje djevojku na stijeni
u bijeloj haljini nad morem
kad huči sve u burnoj pjeni
dok vali s obalom se bore,
kad munja iznenadnim sjajem
tu odijeva je svu u grimiz,
i vjetrina lamata krajem
marame joj, a more dimi?
Ah, divno more je u pjeni
i nebo kad ga bljesak para,
no vjeruj: djevojka na stijeni
od ovog sveg je ljepša čara.

(1825)

---

* Tiskana u siječnju 1927. u »Moskovskom vestniku« i zatim uključena u zbirku iz 1827. pod nadnevkom 1825.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

---

* Prvi put objavljena u *Sjevernom cvijeću* 1830., a svrstava se u 1825. godinu prema bilješki iz rukopisa za tisak 1832. Pjesma govori o Puškinovu boravku u seoskom progonstvu. Starica je Puškinova dadilja Arina Rodionovna (1758-1828), koja je dijelila s njim turobne godine u Mihajlovskom. Bila mu je uglavnom jedino društvo, za što joj se Puškin odužuje velikom pjesničkom zahvalnošću, ovjekovječivši u više djela

ZIMSKA VEČER*

Oluja nebesa skriva,
mećave ih zamrače,
načas kao zvijer zavija,
kao dijete zaplače.
Načas nam po krovu trošnu
preko slame zapucka,
načas nalik gostu poznu
na prozorčić zakuca.

Tama krhke kolibice
tugom nas je utukla,
što si, moja staričice,
kraj prozora umukla?
Il' od burnog si hujanja,
draga moja, ugnjetena,
ili drijemaš od zujanja
laganoga svog vretena.

---

njezin svijetli lik (usp. Tatjaninu dadilju u *Onjeginu*). Znala je mnogo narodnih bajki i pjesama, s kojima je upoznala Puškina i nadahnula ga ljubavlju prema narodnom stvaralaštvu, ruskom folkloru. Taj je utjecaj obilježio izgradnju njegova klasičnoga jezičnog i pjesničkog izraza. Stihovi o sjenici i djevojci potječu iz narodne pjesme.

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет.
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

(1825)

Nazdravimo, drugo dobra,
jadnoj mojoj mladosti,
pijmo s tuge: gdje je bokal?
Eto srcu radosti.
Poj mi pjesmu o sjenici
kraj mora što življaše,
poj mi pjesmu o djevici
po vodu što iđaše.

Oluja nebesa skriva,
mećave ih zamrače,
načas kao zvijer zavija,
kao dijete zaplače.
Nazdravimo, drugo dobra,
jadnoj mojoj mladosti,
pijmo s tuge: gdje je bokal?
Eto srcu radosti.

(1825)

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

(1825)

PRIJATELJIMA*

Dušmani, ne zaboravih ja vas,
premda za sada šuti sav moj gnjev,
stalno vas prati pogleda mog sijev,
pograbit ću vas ja u skori čas:
pobjeći mi iz pandže neće sure
taj koga naglo zgrabim da ga smlavim.
Tako i jastreb leti nebom plavim
vrebajuć' pritom na guske i pure.

(1825)

---

* Tiskano u veljači 1825. u »Moskovskom telegrafu« s potpisom A. P., i uključeno u izdanje 1826. s nadnevkom 1825. Očito se Puškin rasrdio na »prijatelje« vjerojatno zbog neke klevete, a pjesmu je poslao Vjazemskom koji ju je dao tiskati u »Moskovskom telegrafu« pod svojim naslovom »Časopisnim prijateljima«. Puškin je poslao ispravak »Sjevernoj pčeli«.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист? –
– Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.–
– Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. – Да... плюнуть на него.

(1825)

* * *

Eto! Još je živ Kurilka žurnalist?
Vjetrogonja! Već sav je suh i skučen,
i grub, i glup, i zavišću izmučen:
sve tiska u svoj nepotreban list,
i staru glupost, i novost gadnu.
Fuj! Dodijao nam je Kurilka žurnalist!
Kako ugasiti svijeću smradnu?
Kako ću umoriti Kurilku ja?
Savjet mi daj. Aha!... Popljuvat ću ga!

(1825)

---

* Epigram nije tiskan za života. Izazvan je epigramom Mihaila Dmitrieva protiv Vjazemskog u »Vestniku Evrope«, u povodu Puškinove *Babčisarajske fontane*. Puškin je ciljao na vlasnika časopisa Kačenovskog koji ga je često napadao. Pokušaje tiskanja epigrama onemogućavala je cenzura, čak i iz zbirke iz 1826.

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

(1827)

---

* Nije tiskana za pjesnikova života. Pjesma je kao poslanica predana A. G. Muravevoj početkom 1827. koja je išla k mužu N. Muravevu u Sibir. Napisana je ranije, krajem 1826. ili početkom 1827, jer se zna da ju

* * *

Sibirskih rudnika na dnu
vi gordo čuvate strpljenje,
neće vam propast mučni trud
i misli vaših uznesenje.

Nesreći vjerna sestra sad,
nada u mraku ispod zemlje
prenut će bodrost i veselje,
kucnut će zaželjeni sat.

Ljubav i družba će do vas
kroz mračne zasune da hrupe
kako robijaške u rupe
dopire slobodni moj glas.

I okovi će teški past,
tamnice u prah - da sloboda
na izlazu vam počast oda
i mačeve vam preda brat.

(1827)

---

je Puškin kanio poslati prijateljima-dekabristima u progonstvo po M. Volkonskoj. Na poslanicu je odgovorio Aleksandar Odoevski, jednako dobrim stihovima.

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни;
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

---

* Tiskano siječnja 1828. u »Moskovskom vjesniku« i uključeno u izdanje iz 1829. pod 1827. U kritici se općenito ova pjesma uzima kao primjer Puškinova nastojanja da utječe na cara Nikolaja, kad mu je već sam htio biti, i postao, osobnim cenzorom. Osim dojma službene pohvale, pjesma zapravo u državotvornom obliku provlači liberalne ideje. Paralela između Petrova i Nikolajevljeva vladanja ide prema Petrovoj vlasti kao

STANCE*

Slavu i dobro ja pun nade
vidim u budućem bez straha:
dok Petrove početke vlade
mračiše kazne, buna plaha.

Al' istinom on priđe svima,
narav je znanjem ukrotio,
u buntovnim je vojnicima
Dolgorukova uočio.

Državotvornom on je snagom
prosvjetu hrabro sijat stao,
zanesen domovinom dragom
predodređenje njeno znao.

Čas moreplovac ili borac,
čas tesar, akademik rječit,
on kao svestrani je tvorac
na tronu bio radnik vječit.

---

mogućem uzoru za Nikolaja, na temelju Puškinova tumačenja Petrove vlasti, koje uopće nije bilo idealističko. U završnoj strofi se ističe zahtjev za rehabilitacijom dekabrista. Ipak je apologetski oblik izazvao kod Puškinovih suvremenika dojam da se pjesnik priklonio vlasti, promijenivši dotadane nazore. Puškin je odgovorio pjesmom *Prijateljima* (*Nisam ja laskavac...*)

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

(1826)

I ti se diči zbog svog roda;
u svemu budi pretku sličan:
jednako budi čvrst i bodar,
opraštanju također vičan.

(1826)

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
»Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка

TALISMAN*

Gdje vječito more trese
na opustjeli taj kras,
gdje toplije sja i mjesec
u večernji slatki čas,
sred haremskih gdje naslada
dane trati musliman
čarobnica mazna mlada
predala mi talisman.

I nježno mi govorila:
»Sačuvaj moj talisman,
u njemu je tajna sila,
ljubaviju je tebi dan.
Od bolesti, grobne strave,
kroz oluju, uragan,
voljeni moj, tvoje glave
ne spasi moj talisman.

Nećeš istočna bogatstva
od njega zadobiti,
ni iz prorokova bratstva

---

* Tiskana u »Almanahu sjevernih muza« 1828. i uključena u izdanje iz 1829. pod nadnevkom 1927. U rukopisu je i bilješka 6. *listopada, noću*. Riječ je o starinskom prstenu s natpisom na hebrejskom, koji je darovan Puškinu u Odesi od E. K. Voroncove.

Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман....

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя -
Милый друг! от преступления,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!«

(1827)

ikoga porobiti;
ni do milog zagrljaja
kroz predjel te žalostan
s juga do tvog zavičaja
neće dovest talisman.

Ali kad te hinske oči
čarolijom pogube,
il' usne u mračnoj noći
bez ljubavi poljube, -
najdraži! od zločinstava,
vrijeda što ti nije znan,
od nevjere, zaborava,
saklonit će talisman.«

(1827)

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я - беспечной веры полн -
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный ....
Погиб и кормщик и пловец! -
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

(1827)

ARION*

U čamcu mi smo mnogi bili;
natezali su jedni jedro,
a drugi upirali vedro
u vodu vesla. U tišini
na krmu naš kormilar umni
u šutnji vodi tromi čun;
ja - bezbrižan i vjere pun -
ja pjevah im... Al vala grud
najednom zgnječi vikor šumni...
Kormilar s pomorcima strada.
Tek ja, tajanstven pjevač, sada
na kopno bačen nevremenom,
ja himne iste pjevam dalje,
i svoje namočene halje
na suncu sušim tu pod stijenom.

(1827)

---

* Pjesma je bez potpisa objavljena u srpnju 1830. u »Književnim novinama«, u rukopisu je datirana 16. srpnja 1827. Zasniva se na mitu o pjevaču Arionu, koji je, u bijegu od razbojnika - skočio u more i bio bi se utopio da ga nije spasio dupin, iznijevši ga na obalu. Tu je alegorijski prikazana Puškinova sudbina poslije poraza dekabrista 14. prosinca 1825.

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

TRI IZVORA*

U pustinji tog svijeta, silnoj, sjetnoj,
izbila tri su izvora iz tla:
mladosti vrutak - on u igri sretnoj
žubori nam kroz polja cvjetna sva;
kastalski¹ vrutak nadahnućem taži
nas izagnane, tako spas nam nudi;
i zaborava - treći i najdraži,
jer srca žar nam gasi usred grudi.

---

* Nije tiskana za pjesnikova života. Pjesma je sačuvana rukopisno u albumu Karamzine, a navodno je izvornik imao nadnevak *18. lipnja 1827. g. S. Peterburg.*

¹ Kastalija - izvor na Parnasu, po rimskoj predaji posvećen Muzama i Apolonu.

ТЫ И ВЫ

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

(1828)

TI I VI*

Ne prazno vi - srdačno ti
otelo joj se zabunjenoj,
i sve mi sretne snove s tim
prenu u duši zaljubljenoj.

Pred njom ja zamišljeno stojim,
da skrenem pogled, nemam snage,
i kažem: Kako ste vi dragi.
A mislim: Kako te ja volim!

(1828)

---

* Tiskana u »Sjevernom cvijeću« 1829. i uključena u zbirku 1829. pod 1828. godinu, a u rukopisu ima nadnevak 23. *svibnja 1828.* Postoji zapis A. Olenjine: »Anna Aleksejevna Olenjina se zabunila rekavši Puškinu *ti*, i sljedeće nedjelje donio joj je stihove.« U ljeto 1828. Puškin je često dolazio kod Olenjinih i čak prozio Annu Aleksejevnju, ali do svadbe nije došlo.